

□Если ранее открытие новых морских путей принесло Да Шэню богатства и улучшенные семена, заложив основу будущего расцвета, то «трава опьянения бессмертных» стала тёмной стороной морской торговли — существом, способным погубить государство и уничтожить народ.□

«Погубить государство и уничтожить народ»... Эти четыре иероглифа эхом прокатились по дворцам и улицам.

В тёплом покое пальцы Ли Чжао и Мин Чжэня, переплетённые в единое целое, одновременно напряглись.

А в это же время по всей столице — от императорского двора до канцелярий чиновников — все, кто услышал эти слова из Небесной Завесы, застыли в изумлении, погружаясь в ещё более глубокое недоумение.

С тех пор как Небесная Завеса впервые упомянула о «траве опьянения бессмертных», люди знали лишь одно: она затуманивает разум и вызывает неодолимое пристрастие. Хотя она и приносила беды, всё же воспринималась как ядовитая диковина или зловредный артефакт. Но как она может довести страну до гибели?

Старый сановник, теребя бороду, нахмурился и тихо сказал коллеге:

— Всего лишь благовоние, от которого люди теряют рассудок. Да, оно подтачивает силы народа, но разве до такой степени, чтобы грозить уничтожением?

Молодой чиновник рядом, однако, чувствовал тревогу:

— Господин, если бы речь шла лишь об ущербе отдельным людям, разве Небесная Завеса говорила бы с таким ужасом? Тут, вероятно, кроется нечто большее.

В канцелярии Министерства финансов несколько чиновников, ещё недавно подсчитывавших сверхприбыли от этой торговли, теперь переглянулись в растерянности. Они лучше других понимали: основы государства рушатся не только от меча и войн.

□Сегодня, с высоты нашего времени, мы чётко осознаём её ужасающую силу. Эта зависимость неизлечима. Она разъедает не только тело и дух отдельного человека, но и подтачивает самые устои нации и её будущее.

Сегодня, когда эта зараза повсюду распространяется, ведущий гордится тем, что наша страна остаётся чистой, нетронутой землёй. И, возможно, именно потому, что впервые появившись в Да Шэне, эта гадость была встречена Святым Предком с безжалостной решимостью. Он объявил всему Поднебесью: эта вещь не имеет права существовать в этом мире!

Узнав из секретного донесения о случившемся, Святой Предок немедленно приказал ближайшему гарнизону войск в округе уезда Уйинь в срочном порядке занять город, арестовать всех заговорщиков и причастных чиновников и полностью блокировать уезд — запретив кому-либо входить или выходить. Для надзора он направил самого доверенного в то время начальника охраны императора — Пан Юна.

Одновременно во все префектуры и уезды были разосланы непреложные приказы: немедленно и полностью уничтожить все запасы «благовония опьянения бессмертных» и сырьё для него, строго запретив сжигать их открытым огнём.

Любой, кто занимался продажей этого благовония, подлежал немедленной казни без суда. Любой, у кого проявлялись признаки безумия или странного поведения от его употребления, должен был быть немедленно заключён под стражу.

Десятый год правления Тяньци, и без того потрясённый кровавой чисткой аристократических кланов, вновь окрасился кровью. Чиновники ещё не оправались от предыдущей бури, как уже столкнулись с новой — жестокой расправой над местными чиновниками и простыми людьми.

Потому что, взяв ситуацию под контроль со скоростью молнии, Святой Предок издал свой первый указ после восшествия на престол.

«Указ о запрете ядов»:

«Трава опьянения бессмертных разрушает тела моих подданных и подтачивает корни нашего народа. Кто изготовит её — будет считаться изменником; кто продаст — также как изменник. Обоим — истребление трёх родов. Кто вдохнёт — тому вырежут лицо, нанесут клеймо и отправят в ссылку на Север. Кто из чиновников попытается прикрыть — будет казнён немедленно, без помилования».

Это означало, что в уезде Уйинь почти никто из причастных к «траве опьянения бессмертных» не останется в живых. Масштабы были слишком велики, круг виновных — слишком широк.

Большинство придворных тогда не могли понять: да, вещь ядовита, но разве до такой степени? Даже если вредна — зачем такие жестокие меры?

Прошения хлынули в императорский дворец, как снежная буря. Министры падали на колени, умоляя Его Величество отменить указ: даже если не заботиться о послушной славе, надо думать о стабильности государства и волнении в народе.□

В тёплом покое жар от углей освещал лицо Ли Чжао, оставляя одну его половину в тени. Слова «Указа о запрете ядов» будто источали запах крови, пронзая завесу времени и тяжело ложась на сердца всех, кто их слышал.

На мраморной площади перед дворцом содержание указа ударило, словно ледяная вода в

кипящее масло. После мгновенной тишины разгорелась бурная дискуссия.

Пожилой цзыши, дрожащей бородой, поднял глаза на императора:

— Истребление трёх родов! Вырезание лица! Клеймение! Немедленная казнь! Неужели Святой Предок хочет последовать примеру Цинь Шихуана и его жестоких законов?! Пусть даже трава ядовита — разве можно приравнять её к государственной измене? Если установить такой прецедент, где же тогда милосердие и добродетель?!

Смысл был ясен: Ваше Величество, посмотрите, что творит принц Жуй!

Его голос звучал с горькой скорбью. Несколько чиновников-идеалистов вокруг мрачно кивали в знак согласия.

В то же время группа чиновников, отвечавших за юстицию и военные дела, молчала, обмениваясь многозначительными взглядами.

Заместитель министра наказаний тихо произнёс:

— Господа, задумайтесь: Небесная Завеса неоднократно подчёркивает «гибель государства и народа». Разве Святой Предок, великий правитель, стал бы издавать подобный указ в порыве гнева? Вероятно, за этим скрывается угроза, которую мы пока не видим.

— Именно так! — подхватил чиновник из Военного ведомства. — Помните, Небесная Завеса говорила, что эта вещь разрушает разум и подчиняет волю? Если она способна вызывать массовое безумие, разве это не то же самое, что чума?

— Если разум под контролем... вот где истинный ужас. Возможно, Святой Предок действует не ради наказания уже виновных, а чтобы предотвратить беду в будущем. Острый меч хоть и режет больно — но останавливает кровотечение.

Один из молодых чиновников, однако, с сожалением возразил:

— Но ведь большинство жителей уезда Уйинь, скорее всего, просто стали жертвами обмана! Применять к ним столь суровые меры — значит сжечь и камень, и жемчуг вместе. А если народ потеряет доверие, как тогда обеспечить стабильность?

Споры и шёпот разгорались не только при дворе, но и на улицах, в лавках и на базарах. Тревога, непонимание, страх и ужас перед неизвестной бедой сплелись в единый клубок.

В чайхане рассказчик даже забыл ударить деревянной колотушкой:

— Истребление трёх родов! Боже правый, за что такое наказание?! Неужели эта «трава опьянения» — благовоние самого Яньлу-вана, что забирает души?!

— Фу-фу-фу! Да замолчи ты! — перебил его старик, торгующий лепёшками, хотя и сам был потрясён. — За посадку цветов — смерть и уничтожение рода?! Это строже, чем за убийства в прошлом году! Что это вообще за трава такая?

— Небесная Завеса говорила: вдохнёшь — и будто видишь бессмертных, так приятно, что уже не можешь без этого, — таинственно прошептал проезжий купец.

— Но ведь это всё равно трава! Всё зависит от людей! — вмешался молодой человек в одежде учёного, повысив голос. — Если народ не научен добру, тогда применяют наказания — так учили мудрецы. Но карать без предупреждения, без наставления — это не милосердие. Жители Уйиня невиновны!

В тёплом покое Ли Чжао молча слушал отголоски споров своего времени, доносившиеся сквозь ветер. Он разжал руку, в которой ещё недавно держал ладонь Мин Чжэня, и подошёл к окну. Ледяной ветер с мелкими снежинками хлестнул ему в лицо.

Невиновны? Действительно ли невиновны?

Его взгляд будто пронзал стены дворца и устремлялся к далёкому, незнакомому уезду Уйинь. Слова Небесной Завесы обнажали не только ужасы будущего, но и глубокие, трудно различимые трещины в душах людей настоящего.

Все эти слёзы и мольбы о «добродетели» в прошениях, весь этот народный гнев о «невиновности» — всё это казалось наивным, почти детским, словно люди наблюдают за пожаром за рекой, не понимая, что пламя уже подбирается к их собственным домам. А иногда — даже глупой надеждой на авось.

— Они думают, что это всего лишь трава, — тихо сказал Ли Чжао. — Они полагают, что пристрастие — личный выбор, а безумие — личная трагедия. Какое это имеет отношение к судьбе государства? К будущему тысячелетий?

— А Чжао, они просто не видели этого, — мягко ответил Мин Чжэнь. — Ты должен допускать существование разных мнений. И в мире всегда нужны дальновидные первопроходцы.

Перед залом Фэнтянь император закрыл глаза. Хотя Небесная Завеса не показала напрямую, как выглядела бы страна, заражённая «травой опьянения бессмертных», четырёх слов «гибель государства и народа» было достаточно, чтобы правитель мысленно нарисовал самый страшный сценарий: поля зарастают бурьяном — рабочие силы истощены в дыму. Казна пуста — серебро утекает на покупку яда. Армия распадается — солдаты иссохли до костей. Чиновники предают власть — утопая в облаках дыма.

В таком случае врагу и не нужны конницы. Достаточно бесконечно поставлять «траву опьянения бессмертных» — и страна падёт сама собой, без единого сражения. Её государство будет уничтожено, её народ — стёрт с лица земли.

На дворе споры достигли апогея. Традиционное понимание «гуманного правления» у старших сановников вступило в жёсткое столкновение с практичной настороженностью части чиновников.

Император открыл глаза и произнёс:

— Гуманность? Проявлять милосердие к вредителям — значит быть жестоким к народу. Проявлять снисхождение к ещё не разгоревшемуся огню — значит сидеть и ждать, пока он не обратит небеса в пепел. Господа министры, эта страна не была завоёвана милосердием, и не одним милосердием она управляется. Иначе зачем нам армия? Зачем законы и наказания?

Эти слова ударили, как ледяной душ, и многие из тех, кто пылко отстаивал «добродетель», внезапно замолкли.

<http://bllate.org/book/17167/1607628>